Тем летом выпала нам дорога в ефремовские Черкассы к домику оптинского схимника Павла Драчева. Я долго сговаривался с разными людьми, выбирая для путешествия день и компанию, но решил ехать вдвоем с монахом Даниилом, священником сельской церкви в Жемчужниково, преподавателем литургики в Тульской семинарии. Выезжали рано, Даниил не успел позавтракать и зарядить телефон. Он был в походной синей рясе, из-под которой выглядывали спортивные брюки, старенькие сандалии. В пути монах, не теряя времени, сразу заговорил о деле. Положив рядом с ним диктофон, сам глядя на дорогу, я думал о той части тульской истории, которая долго ускользала от моего внимания.

— В то время гонений священники вообще были высокой морали! А старцами были те, кто и среди них выделялись нравственностью,— как всегда энергично, чуть торопясь, говорил Даниил.— И появилась разом плеяда знаменитых старцев, которые, как благоухающие маргаритки, зацвели в Господнем саду: оптинцы схиигумен Павел Драчев и Севастиан Карагандинский, игумен Кукша Одесский, Самсон Сиверс в Москве, схиигумен Савва из Псково-Печерского монастыря, духовник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кирилл Павлов, Иосиф Почаевский… Благодаря этим старцам православие на русской земле выстояло, а затем обрело ту мощь, которую имеет сегодня. На тульской земле старцы чаще селились возле Ефремова, во многом благодаря ефремовскому благочинному отцу Герману…

Август в том году выдался знатным — после июля дожди почти совсем прекратились, отменно вызрели ячмень и пшеница, картофель и кукуруза, яблони же в садах буквально ломились от щедрого урожая. Земля наша, перестав пустовать, кормила свой народ, как в стародавние времена. Русское крестьянство, почти исчезнув при Ельцине, чуточку окрепло. Явилось много успешных фермеров, задышали полной

грудью сохранившие землю колхозы, совхозы — в наших краях «Новая жизнь» и «Лазаревское». В поселке Лазаревском Даниил и его духовные дети построили церковь, теперь мы ехали мимо ухоженных полей этого хозяйства — на душе у меня было спокойно и радостно. Машина для путешествий, с фотографиями Самсона Сиверса и Амвросия Оптинского под лобовым стеклом, летела на юг от Тулы по трассе Москва — Крым, перекрытой на границе украинскими самостийщиками. Дорожные указатели «Симферополь» и «Харьков» четыре года назад заменили на табличку «Белгород», мы уже стали привыкать к нашей раздельности, хотя еще пять лет назад мысль об этом показалась бы сумасшествием.

— Одним из самых ярких православных старцев страны в хрущевское время был Павел Драчев,— продолжал Даниил, не обращая внимания на скорость, я отмечал про себя это, потому что мой друг Тимур Зульфикаров обычно требовал ехать не быстрее восьмидесяти.— После ссылок и гонений отец Павел Драчев оказался в Ефремовском районе, в селе Туртень, где у него сложились хорошие отношения с директором тамошнего совхоза. Этот человек тайно помогал батюшке. Народ быстро раскусил, какой Павел духовный, благодатный батюшка, и люди к нему ездили толпами — тайно и явно. Хрущевской власти это не понравилось, однажды они подогнали к храму в Туртени пожарную машину и брансбоями стали выгонять людей из церкви. Батюшка тогда закрылся в алтаре, испугался, у него было сильное потрясение. Вскоре совхозный директор сказал Павлу, что на днях за ним придут, арестуют. Господь вразумил старца скрыться. На несколько лет он вместе с келейниками уехал в Караганду — к Севастиану Карагандинскому, который вместе с Павлом был в Оптиной монахом...

Наша машина свернула с трассы Москва — Белгород на Ефремов. Вдоль этой второстепенной дороги на обочинах мало полицейских радаров и можно было еще разогнаться. Стрелка спидометра колебалась около 140, воздух ревел за приспущенным стеклом упруго приседающей в понижениях дороги машины, мимо летели указатели знакомых деревень — Царево, Липово… Я прислушивался к скрытой мелодии жизни, стараясь уловить ее энергетику, предчувствовать будущее. По всему выходило, что в ближайшие месяцы в Центральной России будет спокойно, хотя окружающий нас мир грохотал от ненависти — в Сирии, на Украине, Донбассе. Сильные армии защищали Россию и Китай от бомбежек, ведь Москва и Пекин сбрасывали долговые бумаги США, закупали золото, нанося этим удары по доллару. Именно за это повесили Саддама Хусейна и растерзали Муаммара Каддафи, вбомбив их страны в средневековье. Но Россия, слава Богу, не Сирия и не Ирак, бомбить Москву наши «партнеры» пока опасались, ограничиваясь санкциями, тихой войной. Десять — пятнадцать тысяч жителей России, по моим подсчетам, сгинуло в последнюю зиму от молниенос-

ной пневмонии, вызванной странным, синтетическим вирусом, которым от человека заражались даже куры и кошки. Удивляться не приходилось, Россия была окружена бактериологическими базами «партнеров», как бродячая собака блохами. В Шереметьево и Домодедово чуть ли не каждый день изымали у прилетающих подозрительных пассажиров вирусы и бактерии в спреях и ампулах.

Но все же эти потери были для российских народов малозаметны после чудовищных жертв русских войн и революций XX века. В Первую мировую и Гражданскую, при раскулачивании, расказачивании, в голод 1933—1934 годов, во Второй мировой, в результате распада СССР и правления Ельцина люди русского мира погибали миллионами. В августе 2018-го горожан больше волновали мирные проблемы — куда поехать отдыхать, где подлечиться, как найти хорошую работу. Богатые думали как сохранить накопления, а бедные — как дожить до все отодвигающейся пенсии. Города России полнились дорогими машинами, в пригородах строились огромные дома, похожие на былые помещичьи усадьбы, в полях работали новые комбайны, дороги оказались подновлены и вдоль них на табуретах привычно стояли банки с медом и молоком, ведра с яблоками и картошкой. Мотор страны, несмотря на тихую войну, работал мощно и ровно, я пытался осознать прошлое, чтобы не ошибиться в настоящем и будущем. Тем летом много думал о революции, Гражданской войне, социализме ленинского, сталинского и хрущевского толка, о причинах распада СССР, потому я спросил монаха, отклоняясь от волнующей его темы:

— Так почему распался Союз, как думаете?

— Потому что страна ушла от Бога! — Даниил ни секунды не сомневался.— Даже язычники не удумывали разрушать алтари своих идолов, а русский человек покусился на храмы истинного Бога, Святой Троицы, наивно уверовав, что Бога нет! А ведь атеизма в природе не существует, отвержение Бога — это вера в свой маленький ум! В свой маленький горделивый ум, который в сравнении с огромным разумом Господа похож на песчинку! А помрачил русских людей лукашка, тангалашка, который и впихивает людям идею, что Его нет. Когда люди в это верят, можно им внушить, что горделивые богоборческие мысли — это их собственные размышления. Но это не совсем так. Ведь первым возгордился ангел Денница! И первая революция где была? На Небе! А затем он сделал ее в умах людей в раю. Но революция всегда пожирает своих детей. Так было и с французской, и с русской. Как безвременно погибли Робеспьер и Марат, так же погибли Свердлов, Ленин, Троцкий, Дзержинский, Фрунзе. Говорят про евреев в революции, но Троцкий преследовал не только русских людей, он участвовал в гонениях и на евреев, сам принадлежа к этой нации! Это же безумие! А еще русский человек взял на себя страшный грех цареубийства! Мы все в стране братья и сестры, значит, убивали царя наши дальние род-

ственники — на нас тоже кровь царя и его детей! Надо покаяться, вытащить Ульянова из мавзолея, чтобы он не осквернил Красную площадь, у нас там святые лежат в Кремле!

Стремительно плыли назад придорожные деревни, поля желтого цвета с еще не перепаханной стерней, машина обгоняла продуктовые фуры, трактора, комбайны — спустя полчаса мы уже мчались по Ефремовской земле.

Сельцо Офремов основали еще в 1637-м — именно тогда земли южнее Тулы начали активно осваиваться русскими. В этом году царь Михаил Федорович приказал в очередной раз реконструировать и обновить древнюю тульскую засечную черту — русский «Пояс Пресвятой Богородицы». К подновленным тульским засекам начали прибавлять деревянные остроги и земляные бастионы укрепленных сел, стрелецких выселок, пушкарских слобод — с земляными, дубовыми укреплениями, пушками… Тогда и построили, в числе прочих, Офремовское городище, по имени некоего Офрема, который на «диком поле» тут первым закрепился. Стояло городище на окраине Офремова леса, от которого сейчас ничего не осталось, на берегу реки Красивая Меча. Ныне она мелкая, в ней много бродов и перекатов, зато есть, действительно, красивые скальные участки на берегах. Но тогда река была гораздо полноводнее, по ней на лодках возили хлеб. До середины 17-го века земля эта была ничейной — территория «дикого поля», по которому сновали шайки грабителей, в основном крымских татар. Древняя Тула веками прикрывала от них подступы к Москве с юга, находясь на большой «посольской» дороге, которую иногда называли «Муравский шлях». По этому «травяному» шляху двигались навстречу врагам русские отряды, ездили телеги крестьян, обозы торговцев, шагали паломники, в каретах плыли цари, дипломаты...

Деревянная Тула не один раз сжигалась врагами дотла и потому к 1520-му году на берегу Упы построили тульский каменный кремль, внутри него находились храмы и «осадные дворы» — особые избы с оборонными запасами. Хотя бы часть мужчин могла укрыться здесь в случае опасности, а старики, женщины и дети при набегах уходили на север, прятались среди болот и дремучего леса. В мирное время вокруг кремля заново отстраивались ремесленники — оружейники, самоварщики, замковых дел мастера…

Тульский кремль враги испытали на прочность почти сразу же — в 1552-м он выдержал многодневную осаду крымского хана с армией в 30 000 человек. В 1596-м году случился новый большой татарский набег: «Воеваху те места и разоряху и многих людей побиша и села и деревни многие пожогша, дворян и детей боярских с женами и детьми и многих православных крестьян в полон поимша и сведоша» — так написано в летописях. Но и кроме татар было кому потревожить Тулу.

В 1605-м город открыл ворота кремля Лжедмитрию. В 1607-м — повстанцам под управлением Болотникова. Четыре месяца они здесь в кремле оборонялись. Чтобы их выкурить из тульского кремля, московские войска Василия Шуйского построили плотину на Упе чуть ниже по течению, река разлилась, и тонущие бунтовщики сдались. Приходили в Тулу отряды Болотникова и Лжедмитрия не просто так — всем требовалось тульское оружие. Да и в самой Туле были сильны, как сейчас говорят, «протестные настроения», ведь город был близок к «бунташному» Дону. Когда в 1707-м году на Дону поднялось очередное восстание — под руководством Кондратия Булавина,— туляки поддержали бунтующих, вокруг Тулы запылали помещичьи усадьбы. В 1762-м началось восстание крестьян в Епифани, затем туляки ждали Пугачева… Несправедливое жизнеустройство в стране мучило русских веками, не нужно с затуманенными глазами рассуждать на тему «Россия, которую мы потеряли» — Октябрьская революция возникла не на пустом месте.

Но это другая тема. Что же касается татар и «дикого поля» — оружейная Тула внесла большой вклад в русские победы. Во многом благодаря тульским пушкам и пищалям русские войска стали побеждать татар: степным всадникам, вооруженным устаревшими луками, саблями, трудно было взять крепость, из которой по их конному строю били пушечной картечью. Судьбоносная битва при Молодях в августе 1572-го завершилась победой русских войск благодаря тому, что татар заставили штурмовать передвижную крепость русских, вооруженную пушками и пищалями, тогда еще импортными.

В этой не слишком известной битве, по значению почти равной Куликовской, в 50-ти верстах южнее Москвы сошлись отряды Михаила Воротынского и Дмитрия Хворостинина с татарскими войсками Девлет Гирея, усиленными турками и ногайцами. Русских было гораздо меньше, потому что главная армия Ивана Грозного находились на Ливонской войне — Грозный еще до Петра Великого пытался «прорубить» морское окно в Европу и Азию. В нашей армии было много татар, чувашей, мордвы, перешедших на службу к русскому царю, перед этим войска Ивана Грозного взяли Астрахань, вышли к Каспию, на севере захватили Полоцк и города Прибалтики, но затем увязли в Ливонии. Мусульмане, во главе с турецким султаном и крымским ханом, хотели вернуть контроль над Казанью и Астраханью, да и всем «диким полем». В 1571-м году Девлет Гирей уже подходил к Москве, полностью сжег деревянную столицу Руси, ослабленную чумной эпидемией и голодом. Теперь, воюя на два фронта, Иван Грозный, в случае поражения от мусульманского войска, предполагал вернуть им Казань и Астрахань, даже заранее велел срыть русские форпосты на Северном Кавказе. То есть турки и крымские татары в 1572-м могли нанести

удар по России такой силы, что русские рисковали превратиться в мусульманских данников. Девлет Гирей собрал огромную армию в 80 000 воинов, мобилизовал всех дееспособных крымских татар мужского пола, получил в усиление 6 000 турецких янычар, несколько тысяч ногайцев! Он объявил уже, что «едет в Москву на царство» и земли Московской Руси заочно поделили между собой татарские мурзы.

А у Михаила Воротынского, главы русской пограничной стражи, на южных рубежах в наличии было всего 20 000 стрельцов, 7 000 немецких наемников и несколько тысяч донских казаков. Иван Грозный, зная о неравности сил, уже не надеясь на успех обороны, выехал из столицы в сторону Великого Новгорода. Говоря сегодняшним языком, из Москвы была произведена «эвакуация правительственных учреждений». Стрельцы готовились стоять насмерть, уповая на пушки, пищали, купленные на западе. Для защиты импортной артиллерии придумали соорудить «Гуляй-город»: сотни телег с бревенчатыми щитами, в которых прорубались амбразуры для пушек, ставили кругом, создавая внутри защищенное пространство.

Татаро-турецкое войско уже приближалось к Москве, форсировав Оку с помощью предателей и разбив передовые отряды Воротынского, но тут в хвост татарскому войску ударили наши «шахиды», смертники — отряд лучших стрельцов под руководством молодого опричного воеводы Дмитрия Хворостинина. Опасаясь за свой тыл, Девлет Гирей развернул войско и стал преследовать отряд Хворостинина, который, отступая, заманил татар под пушки «Гуляй-города», развернутого вблизи Молодей. Получив от небольшого отряда болезненный щелчок по носу, Девлет Гирей разъярился и под влиянием гнева ошибся — приказал штурмовать крепость, в которой укрылись русские войска. В ходе нескольких штурмов татарские отряды были сильно прорежены пушечной картечью, хотя и с русской стороны было много убитых и раненых. Но у татар потери оказались буквально катастрофическими: погибли крупные военачальники, во время вылазки стрельцы взяли в плен «правую руку» хана — Дивей-мурзу... Девлет Гирей, вместо того, чтобы идти на незащищенную Москву, все глубже увязал в западне. Осатанев от неудач, он приказал войскам спешиться и любой ценой взять русскую крепость. Подступы к деревянной крепости русских оказались буквально завалены трупами татар и турок, многим штурмующим казаки отрубили руки саблями, когда те пытались ухватиться за верх бревенчатых щитов, чтобы перелезть через стену… Но и стрельцам находиться в крепости было уже невозможно: закончилась вода и еда, приходилось есть боевых лошадей. Темным вечером Воротынский вывел свой полк из укрепления, прошел укромной лощиной и ударил татарам в тыл, проявив незаурядный полководческий талант. Из крепости в это же время открыли бешеную пушечную стрельбу, а затем оттуда вышел отряд Хворостинина. Татары и турки не выдержа-

ли удара с двух сторон, побежали, бросая оружие — подумали, что к русским пришла подмога. Бегущих мусульман безжалостно уничтожали — турок в плен решили вообще не брать, небольшие шансы уцелеть были у татарских военачальников, но поди отличи в лютой сечи военачальника… При отступлении погибли сын, внук и зять Девлет Гирея, несколько тысяч татар утонуло в Оке, множество их увязло в болотах, тысячи были перебиты поодиночке. В Крым вернулось не более 15 000 мужчин, полуостров был обескровлен, на 20 лет прекратились все татарские набеги на Русь, Османская империя полностью отказалась от планов вернуть Поволжье. На Дону и Десне русские пограничники отодвинули свои крепости к югу сразу на 300 километров, заложив Елец, Воронеж, Ливны и Орел, осваивая земли «дикого поля». К 1680-м году крепость в Ефремове потеряла военное значение и ее снесли за ненадобностью.

Одним словом — татары проиграли, если не учитывать русский героизм, потому что отстали в тактике и вооружении. Возить с собой много пушек они не могли, это лишало их войско маневренности, главного военного преимущества татар — русские пушки стали решать исход сражений.

Много пушек на Западе было купить невозможно, а тут возле Тулы как раз нашли уголь и железную руду, поэтому с конца 16 века здесь начало развиваться оружейное дело. В 1599-м московское правительство поселило в Туле первые тридцать семей оружейников, производящих пищали. Дело оказалось прибыльным, хотя и сложным, но местные ремесленники быстро переняли новые для них технологии — возникли династии, артели, цеха тульских оружейников. А уж после Смуты, при царе Михаиле Федоровиче Романове, оружейное дело приобрело тут государственный размах. В 1632-м голландский купец Андреас Винниус и еще несколько иностранцев получили от царя разрешительные грамоты на производство пушек. Винниус организовал в селе Ченцово — сейчас это Заокский район Тульской области,— металлургическое и оружейное производство. Голландцы привезли сюда шестьсот спецов из Европы, в помощники им нанимали местных ремесленников — согласно договору с царем иностранцы обучали местных всем тонкостям оружейного дела. Часть пушек и ядер из Ченцова подводами вывозили в Амстердам, но много и со скидкой продавали русскому царю. Когда залежи металлической руды в Ченцово закончились, производство окончательно переместилось в Тулу.

После того, как границы России откатились далеко к югу, ефремовская земля, недавно отвоеванная у «дикого поля», зажила жизнью крестьянской, помещичьей, купеческой. За пограничную службу царь даровал служилым людям из бояр, мелким военачальникам тут землю и звания, а крестьяне и казаки притекали сюда сами, ведь новые земли

на первых порах освобождались от налогов. До сих пор возле Ефремова живут новосильские казаки, сохранившие элементы языковой самобытности. Основой жизни для здешних крестьян и торговцев стало выращивание зерна, с 1765-го года понемногу начали внедрять картофель. Зерновые долго были монокультурой, это делало сельское хозяйство Нечерноземья очень уязвимым — майские морозы, дождливая погода или засуха вызывали неурожицу, а следом за этим голод, с вымиранием части крестьян. Неурожаи в нашей полосе случаются часто, крестьяне привыкли к этому и переносили голод смиренно, как Божью кару. Помнится, Тургенев писал где-то в своих письмах, как его поразило смирение ефремовских крестьян при голоде. Да-да, в 17-м веке, судя по документам, владельцем Офремова леса был Иван Тургенев, потомок татарского мурзы, перешедшего на службу к Ивану Грозному после взятия Казани. Кроме Тургеневых тут имели собственность многие видные фамилии — князья Д. Д. Оболенский, П. И. Шаховской, А. Н. Лобанов-Ростовский... Сообща помещики строили храмы «на кошельковые суммы» (так сказано в синодике), но храмами могли пользоваться и крестьяне. Зерно и картофель наши предки умудрялись возить по Красивой Мече, и некоторое время Ефремов процветал. Но к 1869-му году, после неудачной Крымской войны, которая подтолкнула власти к реформам и нововведениям, построили железную дорогу Москва — Курск с ответвлениями — зерно стало удобнее возить по ней. Ефремов, Крапивна, Белев, Мценск и Алексин, живущие речной торговлей, начали приходить в упадок. Некоторое облегчение случилось, когда в 1874-м через Ефремов провели железную дорогу, идущую из Тулы в Елец, но прежнего благополучия все же не наступило. Ефремову несколько веков, до советского времени, предстояло быть нищим. В 1888-м году от бедности клиентов обанкротился местный банк, в 1891—1892 годах и в 1898-м здешних крестьян терзал жестокий голод. При этом голодных бунтов именно в Ефремове не наблюдалось — люди здесь отличались мирным нравом и спокойствием. Эта смиренность и привлекла сюда семью Буниных. После революции 1905-го года в Ефремове оказалось гораздо спокойнее, нежели в бунинской Огневке (это село сейчас в Липецкой области), где невозможно было выйти на улицу без пистолета в кармане.

Поэтому Евгений Бунин, брат будущего Нобелевского лауреата, переехал из Огневки в Ефремов, сначала жил на подворье Моргунова (раньше улица Дворянская, теперь Карла Маркса, дом 16), затем снял дом на Покровской (сейчас Комсомольская), а потом ему так понравилось в Ефремове, что Евгений продал усадьбу в Огневке и купил дом здесь на улице Тургенева. По словам Ивана Бунина: «…дом купил он у помещика старый, с деревянными колоннами, с садом… Весь дом дрожал и гудел, звеня люстрой, когда вскачь неслись с вокзала и на вокзал извозчики. Они тучей поднимали рыжую пыль, которая покры-

вала все крыши, все стены и окна на Песчаной улице» («Чаша жизни» И. Бунин). Теперь Иван Алексеевич приезжал сюда к родственникам, познакомился же он с Ефремовым гораздо раньше. По этой дороге удобно ездить из Липецка и Ельца в Орел, Мценск, Тулу и Калугу. Семнадцатилетним юношей Ваня Бунин, под влиянием прочитанных книг, поехал на лошади к Льву Толстому, но, по его же словам, «доскакав до Ефремова, испугался, решил обдумать дело серьезнее, переночевать в Ефремове… скитался ночью по городу и так устал, что, зайдя на рассвете в городской сад, мертвым сном заснул на первой попавшейся скамейке…»

Теперь же в доме на Тургеневской иногда собиралась вся большая семья Буниных — мать семейства Людмила Александровна, старший сын Юлий, Иван Алексеевич с женой Верой Николаевной, сестра Маша с детьми и младший сын Евгений с женой. Тут Людмила Александровна Бунина провела последние годы жизни и умерла в 1910-м году. В последний раз Иван Алексеевич приезжал в Ефремов в октябре 1917-го — переночевал в доме у брата, сделал какие-то покупки, но на могилу матери в рощу на старое городское кладбище так и не пошел. Иван Алексеевич, как и Набоков, не любил кладбищ — боялся смерти и всего, что с ней связано. В октябре 1917-го он записал в дневнике: «…там, в роще лежит мама, которая так просила не забывать ее могилы и у которой на могиле я никогда не был». Вскоре на этом же старом ефремовском кладбище появится могила его брата Евгения. Так что Ефремов тесно связан с Буниными, много раз описан Иваном Алексеевичем в знаменитых рассказах «Деревня», «Антоновские яблоки» и «Чаша жизни».

Но ехали мы в городок не из-за Бунина. Хотелось найти людей, еще помнящих оптинского монаха Петра, в миру Павла Драчева, с которым оказалась тесно связана судьба моего друга, иеромонаха Даниила, да и моя собственная — через него, близкую мне Оптину Пустынь, Венев монастырь и тульский храм Двенадцати Святых Апостолов.